

ответственностью за протекание действия. В связи с этим выделены основные прагматические компоненты речевого акта угрозы.

- незаинтересованность адресата в осуществлении действия;
- знание адресанта о заинтересованности адресата избежать нежелательных последствий;
- намерение адресанта совершить действие, номинированное в угрозе;
- способность // возможность адресанта совершить действие, названное в речевом акте угрозы;
- заинтересованность адресанта в определенном поведении адресата

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

к п н доцент Свойкина Л Ф

Россия г Белгород ФГАОУ ВПО «Белгородский национальный исследовательский университет»

В статье представлен философский аспект проблем современных коммуникативных процессов, рассматриваются точки зрения представителей различных философских подходов к данной проблеме

Ключевые слова коммуникация, теория речевой коммуникации, позитивистский, экзистенциалистский, феноменологический, герменевтический, постмодернистский подходы, информационное общество, концепция бихевиоризма, «диалогические отношения»

The article presents the philosophical aspect of the problems of modern communicative processes are considered the point of view of the representatives of different philosophical approaches to this problem

Key words communication, theory of language communication, positivism and existentialism approach, phenomenological, hermeneutic, postmodern approaches, the information society, the concept of behaviorism, «dialogical relationship».

Проблемы человека, его взаимодействие с природой, культурой, обществом исследуют многие науки, выделяя свой отдельный аспект. Философский интерес к проблеме коммуникации связан, прежде всего, с изменением ее места и роли, а так же с развитием коммуникативных процессов в современном обществе, с интенсивным использованием самих средств коммуникации. В современной философии выделяется пять основных философских подходов к этой проблеме позитивистский, экзистенциалистский, феноменологический, герменевтический, постмодернистский подходы.

Так, позитивистский подход базируется на идеях, берущих начало в учениях О. Конта и Г. Спенсера и получивших развитие в работах Б. Рассела, Л. Витгенштейна, К. Поппера и др. позитивистов и постпозитивистов XX в. На развитие данного подхода большое влияние оказала теория речевых

коммуникативных актов, появившаяся на основе идеи Л. Витгенштейна о множественности функций языка и его взаимодействий с жизнью. Он предложил идею, что основной целью философского исследования является прояснение выражений «обыденного» языка. В середине 50-х гг. XX в. представитель английской лингвистической философии Дж. Остин, развивая теорию речевой коммуникации, разделил все используемые в ней высказывания на «перформативные» и «констатирующие». Первые выражают конкретное исполнение определенных намерений, а вторые – фактическое положение дел. При этом понятия истинности и ложности применимы только к «констатирующим» высказываниям. Он выступал против неверного употребления отдельных слов и выражений, связанных со смешением этих видов высказываний. По его мнению, многие трудности и конфликты в межличностных отношениях связываются с недостаточно определёнными и допускающими разное понимание речевыми коммуникативными актами.

В русле позитивистского понимания коммуникации была создана концепция бихевиоризма. Так, Дж. Б. Уотсон основой коммуникации считал не язык как систему, а сами речевые сигналы, манипулирование которыми влияет на человека. Поведение человека он отождествлял с системой видимых и латентных реакций по схеме «стимул-реакция» [7:17-45]. Бихевиористы свели все социальные процессы к взаимодействию между стимулами, действующими на человеческий организм, и реакциями на них. Закрепление реакций подчиняется «закону упражнения» – многократное повторение одних и тех же реакций на одни и те же стимулы приводит к их автоматизации.

Под влиянием позитивистской философии во второй половине XX в. получило распространение течение технологического детерминизма, представители которого Д. Белл, Дж. Гэлбрэйт, Э. Гоффлер, М. Маклюэн, Д. Мэмфорд и др. разработали теорию информационного, или постиндустриального общества, в котором производство, распределение и потребление информации образуют главную сферу экономической деятельности – «информационный сектор» экономики. Рост средств информации и коммуникации становится одним из главных условий, обеспечивающих политическое господство «новой интеллектуальной элиты» в «технотронном обществе» и рассматривается ими в качестве базового фактора социального развития.

Для приверженцев экзистенциалистского подхода характерно сведение человеческой коммуникации к «внешнему» контакту «внутренних» миров жизни индивидов, изолированных друг от друга. Никакая коммуникация не в состоянии прорваться во внутренний субъективный мир личности. Одни из основателей экзистенциализма Ж.-П. Сартр отмечает, что зависимость, которая возникает при общении с другими, является «перво-несчастьем» для самобытия.

С другой стороны, К. Ясперс допускает, что коммуникация может стать процессом, в котором Я действительно становится самим собой благодаря тому, что оно обнаруживает себя в другом. Условием для этого является любовь, хотя и она не избавляет от трудностей общения. «Этот процесс

обнаружения себя в коммуникации является той единственной в своем роде борьбой, тождественной любви: «любящая борьба», которая не смотрит на мир как на гармонию, делающую коммуникацию вообще невозможной, а ставит все под вопрос, порождает затруднения и претензии. Коммуникация может совершаться также и в молчании: подобно тому как, с точки зрения Хайдеггера, молчание образует собственную возможность речи, оно порождает также и общность, невозможную без определенной коммуникации» [10].

П. Бергер, Б. Вальденфельс, Э. Гуссерль, Т. Лукман, М. Мерло-Понти, А. Шютц и другие представители феноменологического подхода разрабатывали идеи интерессубъективности и жизненного мира. В современной феноменологии отмечается, что традиционная диалогика, предполагает как само собой разумеющееся участие вообще. Но всеобщее, выражающееся в сообщении, обязательно приводит к существованию кого-либо, кто говорил бы от его имени, что влечёт за собой логоцентризм. Тем самым общее в диалоге лишает своего противника всякой возможности возразить себе и заставляет его, в конечном счете, замолчать.

По мнению Б. Вальденфельса, Э. Гуссерлю принадлежит первая попытка осмыслить интерессубъективность, не полагаясь на предустановленный коммуникативный разум. Э. Гуссерль предлагает исходить не из совместного опыта, а из опыта Чужого, хотя при этом всё же пытается доказать, что Чужой конструируется на почве Собственного. Для решения данного вопроса феноменологами предлагается два методологических подхода: эйдетическая и трансцендентальная редукция. В эйдетической редукции Чужое включается в архитектуру «сущностных структур», возвышающуюся над Собственным и Чужим. Чужое как Чужое остаётся за скобками, следовательно, коммуникация с ним оказывается невозможной. Трансцендентальная редукция включает редукцию в некоторый «смысловой горизонт», простирающийся от Собственного до Чужого, что заставляет в конечном итоге умолкнуть последнего. Б. Вальденфельс находит возможным объединить позиции феноменологии (Мерло-Понти) и этнометодологии (Леви-Стросс), доказывая при этом, что коммуникация между Собственным и Другим осуществима на территории интеркультурного опыта, не опосредованного неким всеохватывающим третьим, где Собственное постоянно поверяется Другим, а Другой – Собственным. Возможно принять Чужое в качестве того, на что мы отвечаем и неизбежно должны ответить, т.е. как требование, вызов, побуждение, оклик, притязание и т.д. «Всякое всматривание и вслушивание было бы отвечающим всматриванием и вслушиванием, всякие речь или действие были бы отвечающим поведением» [4: 132].

Диалогический характер коммуникации и опосредованность её социальностью была предвосхищена М.М. Бахтиным. Для М.М. Бахтина коммуникативные отношения являются диалогическими, которые исследователь определяет как особый тип смысловых отношений, выходящих за рамки реального диалога, будь то житейская беда, научная дискуссия или политический спор. На его взгляд, основное и необходимое условие коммуникации – «смысловая конвергенция», требующая ответного понимания,

внутреннего согласия. [1:320-325]. Философская модель М.М. Бахтина представляет собой «диалогическую систему», включающую адресанта, адресата и «Третьего», понимающего, которого он называет «высшим наадресатом» и видит его в Боге, абсолютной истине, совести, народе, суде истории и др. Самое страшное, полагает философ, «не быть услышанным».

Главной особенностью герменевтического подхода является ориентация коммуникативных действий на взаимопонимание. Понятие «коммуникативного действия», введенное Ю. Хабермасом, открывает доступ к трем взаимосвязанным тематическим комплексам: 1) к понятию коммуникативной рациональности, противостоящей когнитивно-инструментальному сужению разума; 2) двухступенчатой концепции общества, которая связывает парадигмы жизненного мира и системы; 3) наконец, теории модерна, которая объясняет сегодняшние асоциальные ситуации, указывая на то, что коммуникативно структурированные жизненные сферы подчиняются императивам ставших самостоятельными формально организованных систем действия [8].

Согласно теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, рациональными, прежде всего, можно назвать людей, располагающих знанием, и символические выражения, языковые и неязыковые коммуникативные и некоммуникативные действия, воплощающие в себе какое-то знание. Коммуникативная практика на фоне определённого жизненного мира ориентирована на достижение, сохранение и обновление консенсуса, который покоится на intersubjectивном признании притязаний, могущих быть подвергнутыми критике.

Представители герменевтики рассматривают сферу коммуникации в качестве особого онтологического объекта, изучение которого требует применения таких методов, как герменевтическая интерпретация смыслов, критическая рефлексия, рациональная реконструкция. Автор этой методологии Ю. Хабермас, подчеркивает, что межличностная коммуникация – это инструмент реализации практических интересов людей, способ эмансипации, освобождения от экономических, политических и других влияний, искажающих коммуникации и играющих латентную роль принуждения. Исследователь отличает «истинные» коммуникации от «ложных», пытается перенести технические средства и методы на область межчеловеческих интеракций.

В этой модели действия особое значение приобретает язык. Однако целесообразно использовать лишь те аналитические теории значения, которые сосредоточиваются на структуре речевого выражения, а не на интенциях говорящего, полагает Ю. Хабермас. По его мнению, общество следует постигать одновременно как систему и как жизненный мир, предстающий горизонтом, в рамках которого уже всегда находятся коммуникативно действующие субъекты. На изменения и ограничения этого горизонта влияют структурные изменения общества. [9].

Формирование постмодернистского подхода связано с именами французских деконструктивистов П. Бурдьё, Ж. Деррида, Ж. Делеза, которые рассматривают коммуникацию в аспекте продвижения к принципиально

неизвестному результату. По мнению Ж. Деррида, к системному комплексу условий для коммуникации примыкает письмо, которое он называет архиписьмом. Архиписьму имманентно непонимание и искажение, оно существует не для выражения уже имеющихся идей. Поэтому не может быть коммуникации до конца чистой и успешной, не искажающей восприятия истины, как и не может быть истины без лжи и заблуждения. В своих изысканиях Ж. Деррида устремлен к корневым чувственным основаниям знака, его фактуре, его архиприродному самопроизвольному источнику. В эпоху рационализма классическое определение знака через оппозицию означаемое/означающее рассматривалось как основное. Ж. Деррида отрицает в этой оппозиции означаемое, так же как и тождество между мышлением и бытием. По мнению Ж. Деррида, коммуникация не обращена к сознанию автора как источнику значений, скорее она порождает эти значения в его уме и автор сам конструируется в процессе письма. Письмо освобождает речь от узости сигнальной функции посредством письменного запечатления речи в графике и на поверхности, чья сущностная характеристика – быть бесконечно передаточным [6].

Одновременно письмо открывает доступ к коммуницированию с Иным, ибо данный подход к письму позволяет обнаружить в нём маргинальные смыслы, ранее находившиеся в подавленном состоянии. Тем самым открываются дополнительные каналы коммуникации с прошлым. Коммуникация, по Ж. Делезу, происходит на уровне событий и вне принудительной каузальности. При этом имеет место, скорее, сцепление непричинных соответствий, образующих систему отголосков, повторений и резонансов, систему знаков. События – это не понятия, и приписываемая им противоречивость есть результат их несовместимости [5].

Ж. Делез называет три различных типа синтеза: конвективный синтез (если..., то), сопровождающий построение единичной серии; конъюнктивный синтез (и) – способ построения сходящихся серий; и дизъюнктивный синтез (или), распределяющий расходящиеся серии. Дизъюнкция действительно бывает синтезом тогда, когда расхождение и децентрирование, задаваемые дизъюнкцией, становятся объектами утверждения как такового. Вместо исключения некоторых предикатов вещи ради тождества ее понятия, каждая вещь раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – т. е. свою самотождественность в качестве понятия или Я. На смену исключения предикатов приходит коммуникация событий [5].

Ж. Делез предлагает различать два способа утраты личной самотождественности, два способа развития противоречия. В глубине противоположности коммуницируют именно на основе бесконечного тождества, которое при этом нарушается и распадается. На поверхности, где размещены только бесконечные события, каждое из них коммуницирует с другим благодаря позитивному характеру их дистанции и утвердительному характеру дизъюнкции. Всё происходит посредством резонанса

несоизмеримостей – точки зрения с точкой зрения; смещения перспектив; дифференциации различий, – а не через тождество противоположностей.

Такому пониманию «машины» коммуникации, ориентированной на сотворение нового извне, противостоит концепция координации практик габитусом П. Бурдьё, подразумевающая строго ограничивающую порождающую способность, пределы которой заданы историческими и социальными условиями, препятствующими созданию непредсказуемого нового. Теорией практики выдвигается тезис о том, что объекты знания не пассивно отражаются, а конструируются, и принципы такого конструирования являются системой структурированных и структурирующих предрасположенностей или габитусом, который строится в практике и всегда ориентирован на практические функции. Среда, ассоциируемая с определённым классом условий существования, производит габитусы, т. е. системы прочих приобретенных предрасположенностей, выступающих в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определённых результатов, но не предполагающие сознательной нацеленности на эти результаты [3].

Под габитусом П. Бурдьё понимает имманентный закон, являющийся предпосылкой не только для координации практик, но также для практик координации. Поправки и регулирования, которые сознательно вносят сами агенты, предполагают владение общим кодом. Попытки мобилизации коллектива, согласно теории практики, не могут увенчаться успехом без минимального совпадения между габитусом мобилизующих агентов (лидеров и т. д.) и предрасположенностями тех, кто узнает себя в их практиках или речах, и, помимо всего того, без группообразования, возникающего в результате спонтанного соответствия предрасположенностей. Необходимо принимать во внимание объективное соответствие, устанавливаемое между предрасположенностями, которые координируются объективно, поскольку упорядочиваются более или менее идентичными объективными необходимостями.

Для определения отношения между групповым габитусом и индивидуальным, который неотделим от индивидуального организма и социально определён и признан им, П. Бурдьё предлагает считать групповым габитусом (который есть индивидуальный габитус постольку, поскольку он выражает или отражает класс или группу) субъективную, но не индивидуальную систему интернализованных структур, общих схем восприятия, концепций и действий, которые являются предпосылками всякой объективации и осознания, а объективная координация практик и общее мировоззрение могли бы быть основаны на абсолютной безличности и взаимозаменяемости единичных практик и убеждений.

Габитус, который в каждый момент времени создает новый опыт в соответствии со структурами, созданными ранним опытом, привносит уникальную интеграцию опыта, статистически общего для представителей одного класса (группы), а именно интеграцию, управляемую более ранним опытом. Ранний опыт несет особое значение, поскольку габитус имеет

тенденцию к постоянству и защищен от изменений отбором новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию, если таковая представляется случайно или по принуждению, но в особенности уклонением от такси информации [2]

На рубеже 70-80-х гг XX в в Англии в русле постмодернизма сложилось направление, получившее название «критический анализ дискурса», в формировании которого большую роль сыграла критическая лингвистика, трактующая язык как один из видов «социальной практики» (Р Фаулер, Г Кресс) Дискурс представляется как цельный текст, актуализированный многими факторами, в том числе и социальными Это вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников «Критический анализ дискурса» исходит из того факта, что тексты являются результатом деятельности людей в определенной социальной ситуации Отношения коммуникатора и реципиента обычно отражают разные модели социальных отношений людей При этом коммуникативные средства на любом уровне функционирования также социально обусловлены

Рассмотрение дискурса как логически целостной, опосредованной, социально обусловленной единицы коммуникации дает возможность представителям этого направления рассматривать «неречевые языки» (язык рекламы, мимики и жестов) во взаимосвязи с языком человеческого общения как основного способа коммуникации, что создает основу для формирования целостной теории коммуникации, включающей рассмотрение как вербальных, так и невербальных коммуникативных средств Воздействие социокультурных факторов на процесс коммуникации предлагается изучать с помощью ситуационных моделей Такой подход используют такие современные авторы, как Н Л Арутюнова, П Вундерлих, Ю Н Караулов, В В Петров, М Хэллидей, и др

Подводя черту под вышеизложенным, отметим, что каждое общество является тщательно урегулированным коммуникационным пространством, представляющим определенный интерес для многих наук, в т ч и философской Коммуникационные процессы рассматриваются с различных позиций, однако общими для представителей рассмотренных подходов является наличие определенного дискурса, опыта у коммуникантов как нового, так и приобретенного ранее в коммуникативной деятельности В конечном итоге, коммуникация направлена на установление «диалогических отношений» между участниками коммуникативных процессов

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бахтин М М Эстетика словесного творчества / Сост С Г Бочаров 2 е изд М 1986
- 2 Бурдьё П Структура, габитус практика / П Бурдьё//Журнал социологии и социальной антропологии – Том I – № 2 – СПб , 1998
- 3 Бурдьё П Формы капитала /Пер с англ М С Добряковой, Бурдьё П Различение социальная критика суждения (фрагменты книги) – М РОССПЭН 2004
- 4 Вальденфельс Б Мотив Чужого / Б Вальденфельс/ Под ред Т Щитцова. Пер с нем – Минск Изд во ЕГУ ЗАО Пропилен , 1999 176 с